

А. С. Косинская, В. Х. Гильманов

**ДЖ.Р.Р. ТОЛКИН И К.С. ЛЬЮИС
В ПОИСКАХ КРИТЕРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 02.09.2023 г.

Принята к публикации 23.05.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2024-3-5

Для цитирования: Косинская А. С., Гильманов В. Х. Дж. Р. Р. Толкин и К. С. Льюис в поисках критерия художественности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. № 3. С. 51 – 58. doi: 10.5922/vestnikpsy-2024-3-5.

На материале литературоведческих трудов, эссе и художественных текстов знаменитых английских филологов и писателей XX в. Клайва Стейнплаз Льюиса и Джона Рональда Руэла Толкина рассматривается эстетический аспект их художественных поисков. В частности, прослеживается вектор поиска критерия художественности в трудах этих авторов. Актуальность работы определяется тем, что критерий художественности литературного текста, на наш взгляд, является основополагающей категорией литературоведения, позволяющей провести необходимую границу между текстами, относящимися к литературе как таковой, и псевдолитературой. Именно он позволяет в конечном счете определить предмет изучения литературоведения как науки, поскольку наука о литературе изучает не всякий письменный текст, в котором присутствует вымысел, но текст художественный. Цель нашей статьи – разобраться в том, что понимали под художественностью Дж. Р. Р. Толкин и К. С. Льюис – вдохновлявшие друг друга коллеги и друзья, создавшие литературное товарищество инклингов, и какие критерии художественности они смогли выработать.

Ключевые слова: Клайв Стейнплз Льюис, Джон Рональд Руэл Толкин, инклинги, критерий художественности, читатель, катарсис, калокагатия

Художественность является центральной категорией эстетики и важнейшим понятием в науках об искусстве и творчестве [2, с. 46–49; 6, с. 28; 9, с. 1]. Однако, как справедливо отметила Л. В. Никитина, «к концу XX столетия смысл категории “художественность” стал утрачиваться, представления о критериях художественности – размываться. Это привело к тому, что зачастую стало невозможно определить среди множества современных произведений искусства сочинения, обладающие художественной ценностью» [9, с. 1]. Результатом этого процесса стала высокая степень дезориентации как деятелей искусства, так и зрителей, слушателей, читателей. В связи с данной ситуацией эстетической

неопределенности представляется актуальным изучение исторически сложившихся критериев художественности. В предлагаемой статье мы рассмотрим понимание этого феномена в творчестве прославленных английских писателей и филологов XX в. — К. С. Льюиса и Дж. Р. Р. Толкина — и постараемся выявить те философские идеи в истории европейской культуры, которые повлияли на становление эстетической мысли исследуемых авторов.

Трактовки феномена искусства многократно менялись в разные культурные эпохи — от Античности до постмодерна, что обусловлено прежде всего сменой художественных парадигм. В связи с этим важно соблюдать принцип историзма при попытках сформулировать критерии, лежащие в основе наших суждений о художественности [6, с. 15]. Именно этот принцип воплощают научные труды Льюиса («Отброшенный образ», «Аллегория Любви: исследование литературной традиции Средневековья», «Предисловие к Потерянному Раю», «Из истории слов» и т. д.) и Толкина («Беовульф: чудовища и критики», «Эссе о волшебных сказках» и др.). В художественных произведениях Толкина и Льюиса как профессиональных медиевистов и профессоров английского языка и литературы (Оксфордского и Кембриджского университетов) наблюдается творческая преемственность в отношении эстетических идей европейских мыслителей. К примеру, ясно прослеживается традиция Платона в восприятии Толкином целей и назначения художественного творчества. В рассказе «Лист Нигтля» главный герой пишет картину, которая представляет собой конкретное земное изображение неземного пейзажа в преддверии рая. При этом, как у Платона, наиболее подлинным в произведении Толкина является мир идей, который в определенной степени отражается в произведениях искусства. С точки зрения художественной философии рассказа, критерием художественности может считаться присутствие образа высшей реальности и адекватность передачи этого образа в творении художника. Такое произведение служит для воспринимающего сознания своеобразным окном в мир предельных сущностей человеческого бытия. Поэтому на картине Нигтля был изображен тот мир, в котором в конечном счете окажется его душа после смерти. Метафизическая природа искусства была отмечена такими известными мыслителями Античности, как Платон, Аристотель и Плотин, Филон Александрийский и Климент Александрийский [6, с. 31–42]. Природа эстетического наслаждения, как правило, понималась как радость узнавания космической гармонии метафизических сущностей в художественном произведении, возвышающем воспринимающего его человека над хаотично-абсурдным земным существованием. В духовной автобиографии «Настигнут Радостью» Льюис указывает на появление острого чувства неземной Радости во время чтения любимой литературы (северной мифологии): «From these books again and again I received the stab of Joy» [16, p. 89]. При этом под основополагающим для своей автобиографии понятием «Радость» Льюис понимал тоску по Богу, которая позволяет человеку «почувствовать приближение святости, того, что родом из Царствия Божьего» [4, с. 81].

Наряду с платоновской традицией в тексте Толкина присутствует античный принцип калокагатии — единства доброго, мудрого и прекрасного, при котором эстетическое неотделимо от этического. Этот принцип проявляется в преодолении Нитглем и его соседом Пэришем разобщенности, конфликта интересов, связанного с прагматическим по своей сути восприятием другого как объекта, а не субъекта общения. В мире предельных сущностей ни Нитгль, ни Пэриш больше не воспринимают друг друга как средства для достижения каких-либо целей, но становятся друзьями и со-творцами. Тот же принцип реализуется и в мифологическом романе Льюиса «Пока мы лиц не обрели». Достигнув вершины мудрости и добродетели, некрасивая от рождения Оруаль обретает в дар от Бога прекрасное лицо, соответствующее справедливой и любящей душе.

В 1964 г. Толкин написал эссе «О волшебных сказках», основанное на университетских лекциях, в процессе которых он размышлял об особенностях жанра волшебной сказки, о предназначении сказки, а также о том, что делает письменный текст литературным шедевром. «Именно колорит, атмосфера, не поддающиеся классификации частные детали, а главное — общий смысл, наполняющий жизнью неразъятный костяк сюжета, — вот что на самом деле важно», — отмечает филолог [14, с. 352]. Рассуждая об общем смысле литературного текста, который в огромной мере отвечает за качество произведения, Толкин приходит к мысли о мифическом характере этого смысла. «Сегодня такие истории производят впечатление мифа — то есть впечатление цельное, анализу не поддающееся... Они открывают дверь в Иное Время, и, переступив порог, пусть лишь на мгновение, мы оказываемся за пределами своего собственного времени — а может быть, за пределами времени как такового» [14, с. 352]. Таким образом, *мифологический характер литературного произведения и трансцендентная направленность текста*, по мнению Толкина, определяют *художественность* текста. Льюис также рассматривает мифологичность как один из критериев художественности, причем под мифологическим качеством (mythical quality) ученый понимает свойство произведения быть интересным и волнующим практически в любом пересказе, то есть такое свойство сюжета, которое делает миф самоценным независимо от формы и художественных особенностей текста, в которых он выражен. В качестве примеров Льюис приводит миф об Орфее и Эвридике и «Одиссею», а также «Властелин Колец» Толкина [15, р. 26–27]. Примером немифологической книги, по Льюису, может служить «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, где такие свойства текста, как особенности авторского повествования, речевые манеры героев и авторские оценки происходящего определяют эстетический характер произведения. Таким образом, восприятие мифа, по мнению Льюиса, имеет экстралитературный характер [15, р. 30], а высокохудожественный текст может быть лишен мифологизма. Из этого можно сделать вывод о том, что, с точки зрения Льюиса, мифологизм не является необходимым критерием художественности, хоть и присущ многим произведениям. Отметим, что на мифологичность как одно из свойств художественности указывал и А. Ф. Лосев в работе «Диалектика художественной формы»:

«художественная форма есть такая форма, которая дана как цельный миф, цельно и адекватно понимаемый» [7, с. 45]. О близости философии творчества Толкина с теорией символа и диалектикой мифа Лосева подробно рассуждает Г. Д. Паксютов в книге «Толкин и скрытые смыслы “Властелина колец”», предлагая рассматривать философскую позицию Толкина при помощи такого «тонкого инструментария», как теория символа Лосева [10, с. 125].

В том же эссе «О волшебных сказках» Толкин указывает на «внутреннюю логичность или непротиворечивость вторичной реальности» [14, с. 372] как на важный критерий художественности, позволяющий читателю погрузиться во вторичный (или художественный) мир, обретая «литературную веру» (то есть такое состояние сознания, которое автор называет «добровольным отказом от недоверия») [14, с. 358]. Такое состояние читателя, по Толкину, обусловлено тем, что «рассказчик оказывается успешным “вторичным творцом”». Он создает Вторичный Мир, в который получает доступ Ваш разум. И в его пределах все, что рассказывает повествователь, — истинно: все согласуется с законами этого мира. Потому Вы верите каждому слову — пока находитесь, так сказать, внутри» [14, с. 358]. Интересно, что критерий внутренней непротиворечивости произведения словесного творчества, помогающей читателю «поверить» автору и с этим доверием проникнуть в художественный мир, выделял в IV в. до н. э. Аристотель: «Складывая сказания и выражая их в словах, следует как можно [живее] представлять их перед глазами: тогда [поэт], словно сам присутствуя при событиях, увидит их всего яснее и сможет приискать все уместное и никак не упустит никаких противоречий» [1, с. 664].

К. С. Льюис также высказывает мнение о том, что талантливый писатель «вдыхает жизнь» в свое произведение: «Великий художник — или, во всяком случае, великий писатель — не может быть человеком поверхностным ни в своих мыслях, ни в чувствах. Какую бы невероятную историю он ни выбрал, она, как мы говорим, “оживет” в его руках. Жизнь, которой озарится произведение, будет пропитана всей мудростью, знаниями и опытом автора; и даже более того, в нем появится то, что я могу лишь смутно описать как особое восприятие или “чувство” жизни, характерное для этого писателя» [15, р. 52].

Еще одним критерием художественности, обозначенным Толкином во «Властелине Колец», является эмоциональное воздействие на читателя, тот самый *kátharos*, который в качестве критерия оценки и эстетической цели трагедии предлагал Аристотель [1, с. 660]. Очевидно, инклинг унаследовал античное представление об облагораживающем воздействии словесного искусства. «Смеялись многие, но кое-кто и плакал тоже, а светлый голос менестреля звучал как серебро, и все затихли, слушая. Он пел то на эльфийском, то на Всеобщем, и сердца слушателей переполнялись страданием высочайшего наслаждения; песня увела их в страну, где горе и счастье сливаются вместе, и где слезы скорби превращаются в чистые вины блаженства» [12, т. 3, с. 247–248]. Мы видим, что размышления о художественности в ее наивысшей степени характерны не только для академической, но и для литературной деятельности Тол-

кина. Проблеме предназначения художественного творчества в индивидуально-эсхатологическом контексте посвящен упомянутый рассказ писателя «Лист Нигтля». Здесь творческий процесс осознается художником как смысл существования, в то время как повествователь видит цель жизни героя в гармонизации творчества и добродетели. О литературном творчестве как «наслажденьи» в земной жизни писал и А. С. Пушкин в стихотворении «Элегия (Безумных лет угасшее веселье...)» в 1830 г.: «Порой опять гармонией упьюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь...» [11, с. 477]. Если под наслаждением «гармонией» подразумевается, вероятно, художественная и в большей степени поэтическая форма, то во второй части цитаты речь идет об аристотелевском катарсисе, воспетом во «Властелине Колец» Толкина. Подлинное творчество, по мысли Толкина, имеет продолжение и за гранью человеческой жизни. В письме младшему сыну Майклу от 9 июня 1941 г. он пишет о вечности (*aeternitas*): «Есть такое место, “небеса” называется, где все то доброе, что не закончено здесь, обретает завершение; где находят продолжение ненаписанные истории и несбывшиеся надежды» [13, с. 65].

В книге «An Experiment in Criticism», написанной в 1961 г. (и по сей день не переведенной на русский язык), Льюис предложил оценивать художественный (литературный) характер произведения не по тому, как оно написано, а по тому, для какого вида чтения предназначено. С точки зрения Льюиса, художественный текст — это произведение, которое читатель готов перечитывать несколько раз. Отметим, что, когда И. Кант почти за два века до Льюиса, рассуждая в «Критике способности суждения» об эстетическом, разграничил искусство *приятное* и искусство *прекрасное*, одним из основных отличий первого от второго была цель, для которой этот вид искусства предназначен. «Приятные искусства — те, цель которых — только доставлять наслаждение... рассчитаны на минутное развлечение, а не на то, чтобы служить материалом для размышления и повторения» [3, с. 178] (курсив наш. — В. Г., А. К.). Прекрасное же искусство, напротив, «руководствуется рефлектирующей способностью суждения, а не чувственным восприятием» [3, с. 179], более того, «оно поднимает культуру душевных сил для сообщения их обществу» [3, с. 179]. Кантовскому делению искусства на приятное и прекрасное во многом соответствует идея Льюиса о *нелитературном* и *литературном* чтении, шире — о *нехудожественном* и *художественном* восприятии любого другого вида искусства.

Если, по Канту, «для прекрасного искусства требуются воображение, рассудок, дух и вкус» [3, с. 194], то для литературного прочтения книги, по мысли Льюиса, характерны определенные признаки.

Во-первых, это равнодушие к форме произведения, в терминологии Льюиса — «аудиальное чтение», при котором читатель получает эстетическое удовольствие от звучания художественного текста, «упиваясь гармонией», как лирический герой Пушкина. В сущности, эта идея сопоставима с критерием *вкуса* Канта.

Во-вторых, для *литературного* чтения в понимании Льюиса характерны многократные возвращения к произведению, перечитывание, а

также восприятие знакомства с книгой как значимого события в жизни читателя. Именно это, по мысли кёнигсбергского философа, и характеризует «прекрасное искусство».

В-третьих, «литературный читатель», по мнению Льюиса, готов воспринимать художественный мир произведения с точки зрения автора. Необязательно разделяя мировоззренческие установки автора, такой читатель все же интересуется, как выглядит мир глазами выбранного писателя. Более того, литературный читатель Льюиса призван достичь «наивного чтения», на время которого он полностью доверяет восприятию автора.

В-четвертых, литературный читатель Льюиса «осознает, что круг его чтения в конечном счете определяет его мировоззрение» [5, с. 238], что, на наш взгляд, напрямую связано с кантовским представлением о *духе* произведения, делающем его прекрасным (эстетическим), а не просто приятным искусством. Соответственно, произведения, предназначенные для *литературного чтения* (*reading of the literary*), по мысли Льюиса, и являются *художественными*. Из этого следует, что художественность — это одновременно категория искусства и его реципиента (текста и читателя), поскольку для того, чтобы текст раскрылся как художественное произведение, необходимы художественно восприимчивый читатель (в терминологии Льюиса — a literary reader [15]) и акт чтения.

Выводы

1. В академической работе и творчестве Толкин и Льюис руководствовались критериями художественности литературы, которые берут начало в классической философии и литературе. К этим критериям относятся:

- мифологический характер (сюжет, не перестающий волновать читателя даже в отрыве от художественной формы, например в пересказе);
- трансцендентная направленность произведения;
- изысканная поэтика (гармония, аудиальность текста);
- катарсис;
- внутренняя непротиворечивость произведения, возможность доверия автору;
- принцип калокагатии.

2. Представления Льюиса и Толкина о том, какой текст можно считать в полной мере художественным (или литературным), традиционны и во многом восходят к эстетике Аристотеля, философским идеям Платона, Плотина, Филона Александрийского и Климента Александрийского, а также близки эстетическим идеям И. Канта, А.Ф. Лосева и отдельным поэтическим прозрениям А.С. Пушкина.

3. Художественность рассматривается инклингами не только как категория текста, но как свойство читательского восприятия и характеристика самого процесса чтения.

4. Творческая интуиция, с одной стороны, и культурно-философская преемственность — с другой, позволили Толкину и Льюису сформулировать четкое и многогранное представление о феномене художественности и ее границах.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4.
2. Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. М., 2018.
3. Кант И. Критика способности суждения. СПб., 2006. (Слово о сущем, т. 11).
4. Косинская А. С. Концепт «Радость» в автобиографии К. С. Льюиса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 76 — 82.
5. Косинская А. С. Рецептивная эстетика Клайва Стейнлза Льюиса (к вопросу о критерии художественности) // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 233 — 238.
6. Кривцун О. А. Эстетика. М., 1998.
7. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М., 2010.
8. Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели / пер. с англ. И. Кормильцева. М. ; СПб., 2010.
9. Никитина Л. В. Проблема «художественности»: классическая модель и современность // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4. С. 14 — 18.
10. Паксютов Г. Д. Толкин и скрытые смыслы «Властелина колец». М., 2021.
11. Пушкин А. С. Соч. : в 3 т. М., 1987. Т. 1.
12. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец : в 3 ч. / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб., 1992.
13. Толкин Дж. Р. П. Письма / пер. с англ. С. Лихачевой. М., 2004.
14. Толкин Дж. Р. Р. Эссе о Волшебных сказках // Толкин Дж. Р. Р. Сказки Волшебной страны. М., 2010.
15. Lewis C. S. An Experiment in Criticism. 2019. URL: http://www.samizdat.qc.ca/arts/lit/PDFs/Experiment_CSL.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
16. Lewis C. S. Surprised by joy. HarperCollins, 2016.

Об авторах

Александра Сергеевна Косинская — канд. филол. наук, независимый исследователь, Россия.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5893-8622

Владимир Хамитович Гильманов — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5893-8622

A. S. Kosinskaya, V. Kh. Gilmanov

J. R. R. TOLKIEN AND C. S. LEWIS
IN SEARCH OF THE CRITERION OF ARTISTRY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 02 September 2023

Accepted 23 May 2024

doi: 10.5922/vestnikpsy-2024-3-5

58

To cite this article: Kosinskaya A.S., Gilmanov V.Kh., 2024, J.R.R. Tolkien and C.S. Lewis in search of the criterion of artistry, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 51–58. doi: 10.5922/vestnikpsy-2024-3-5.

The article examines the aesthetic aspect of the artistic pursuits of famous English philologists and writers of the 20th century, Clive Staples Lewis and John Ronald Reuel Tolkien, based on their literary-critical works, essays, and fictional texts. In particular, the article traces the search for a criterion of artistry in the works of these authors. The relevance of this study is determined by the belief that the criterion of artistry in a literary text is a fundamental category of literary studies, allowing for the necessary distinction between texts that belong to literature as such and pseudo-literature. This criterion ultimately defines the subject of literary studies as a science, since the science of literature does not study just any written text containing fiction, but rather artistic texts. The purpose of this article is to understand what J. R. R. Tolkien and C. S. Lewis – colleagues and friends who inspired each other and formed the literary fellowship of the Inklings – meant by artistry and what criteria of artistry they were able to develop.

Keywords: Clive Staples Lewis, John Ronald Reuel Tolkien, inklings, criterion of artistry, the reader, catharsis, kalokagathia

The authors

Dr Alexandra S. Kosinskaya, independent researcher, Russia.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5893-8622

Prof. Vladimir Kh. Gilmanov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gilmanov.vladimir@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5893-8622